

Вглядеться в поступь Рока

ИРИНА
ЧАЙКОВСКАЯ
Бостон

Интервью с литературоведом
Руфью Борисовной Вальбе.
Часть вторая

Ариадна Эфрон глазами «члена семьи»

— Давайте поговорим об Ариадне Эфрон. Все три тома изданной вами книги — рассказ о ней, и там она прочитывается как человек большого мужества, честности и сердечного тепла.

Но я сталкивалась и с другими мнениями. Кто-то говорит — и это уже навязло в зубах — об ее неистребимой «советскости». Кто-то о ее «неискренности» и «сломленности». Что вы скажете?

— Ариадна поставила своей целью вернуть творчество матери на родину, сохранить ее архивы, рукописи. Все это она делала до последнего мгновения, будучи уже очень больной. «Сломленность» — слово к ней не подходящее. «Не искренняя» — этого я никогда в ней не видела. Она была всегда искренна. Она была гордым человеком. Закрытым. Но закрытым — до какого-то момента. А потом раскрывалась так, что ошеломляла. В доме Елизаветы Яковлевны Эфрон она была наиболее открытой. Теперь что касается советскости. Она приехала на родину влюбленной в СССР, верящей в то, что эта страна приведет человечество ко всеобщему счастью. Но очень скоро она прошла «университеты», показавшие, как все обстоит на самом деле. Она приехала 18 марта, а уже под майский праздник был арестован ее друг Иосиф Гордон, муж ее подруги Нины Гордон. Все свободное время они проводили вместе и договорились, что утром Первого мая пойдут на демонстрацию. И — никаких звонков. Сохранились воспоминания Нины Павловны Гордон, как тяжело Аля пережила арест Юза и с какой душевной тонкостью поддерживала ее.

— А потом сама Ариадна оказалась в тюрьме.

— В тюрьме с Ариадной сидела Надежда Вениаминовна Канель, с ней я дружила. Она была дочерью Главного врача Кремлевской поликлиники и знала много «кремлевских тайн».

Аля узнала, что Юлии Канель, сестре Надежды, в тюрьме сделали принудительный аборт.

С ними в одной камере оказалась домработница Мейерхольда. Они узнали, как убили Зинаиду Райх.

— До сих пор это чудовищное преступление остается нераскрытым. Кто убивал, почему в такой жуткой форме, кому мешала несчастная женщина, чей муж — великий Мейерхольд — в это время уже был истязаем на Лубянке и ждал смерти...

— Сама Аля прошла через стоячий карцер, конвейерные допросы. Ее потрясло, что допросы вел сын Якова Свердлова, циничный и гнусный, она знала его еще до тюрьмы.

Все это не могло ее не отвратить от Советской власти.

— В письмах Ариадны нет никакой «советскости», просто нужно понимать, что они рассчитаны не только на адресатов, но и на посторонний «всевидящий» глаз. Мне говорили, например, такое: как это она поздравляет тетюшек с советскими праздниками? Может, и то, что она в Туруханске, будучи художником, «оформляла» эти советские праздники, кто-то тоже сочтет «советскостью»?

— Она обожала праздники вообще.

— Была веселый, праздничный человек. И этим, кстати, сильно отличалась от матери.

— Она и во Франции любила людные гулянья, народные праздники. В Туруханске Аля страдала «зрительным авитаминозом».

Руфья Вальбе

ФОТО ИЗ АРХИВА РЕВАЛЬБЕ

— Да, да, просит тетюшек, если можно, прислать ей красок поярче. В одном из комментариев рассказывается, как женщина из Туруханска — там кто-то побывал — вспоминала сказочно оформленный Ариадной с помощью слюды новогодний зал. Там слава о ней как о волшебном декораторе до сих пор живет.

— Это я там побывала, и мне туруханцы рассказывали.

— Вы? В Туруханске? Не может быть. Но давайте к этому еще вернемся. Продолжим о «советскости».

— У нас с ней политических разговоров не было. Но как-то, едучи в машине, она сказала: «Советская власть, которая подарила нашей семье счастливую жизнь...».

— Понятно, что «счастливую» нужно взять в кавычки. Высказывание опять не прямое, опять расчитанное на «чужие уши».

— Для меня это высказывание — прямое. Я знаю, какой счастливой была жизнь Цветаевых-Эфронов.

— Ну да, тут горькая ирония. «Советскости» в ней не было, а

церковность? По письмам мне показалось, что была она христиански настроенным человеком, хотя не обязательно крещеным...

— Почему? Ариадна была крещена. В одном из писем она пишет, что совершенно неверующий человек. Ее оскорбляло Асино «святошество». Но к ней льнули обиженные жизнью люди. В нашей коммунальной квартирке жила домработница соседней, Анна Егоровна Серегина. Она, иначе как *Андел*, Алю не называла. Аля была необыкновенно к ней внимательна. Так же, как к лифтерше Груше, женщине трудно живущей и полной благородства. К каждому празднику Аля дарила ей какие-то подарочки. Продолжала посылать в Туруханск какие-то деньги своим бывшим сотоварищам.

— Туруханским? При том, что сама имела так немного? Но я вас прерву. Вы упомянули Анастасию Цветаеву. Взаимоотношения тети и племянницы не были елейными, у читателей об этом много вопросов...

Анастасия и Ариадна

— Очень трудная тема. Ася узнала о смерти Марины и «нашла» Ариадну, обе они в это время находились в лагерях. Ася была на Дальнем Востоке, Аля — на Крайнем Севере, в «лагере Обреченных».

— «Лагерем Обреченных» вы называете штрафной лагерь, куда Аля попала за отказ стать «стукачкой»?

— Да. Аля рванулась к Анастасии, она отнеслась к ней как к самому родному человеку.

— Это видно по первым письмам. Но на «ты» Ариадны реакция была прохладная, и она перешла на «вы».

— У нее даже был такой план — после освобождения поехать к Асе. Но после того, как она побывала под Вологдой и увидела отношения в этой семье, она поняла: это ад.

Анастасия Ивановна была «не терпима». А сын ее сильно пил. А.И. не умела ничего ему прощать. В жены он взял красивую женщину, подавальщицу. А.И. ощущала это как мезальянс. Аля в ссылке вязала кофточки для дочек Андрея (сына Анастасии Цветаевой, — И.Ч.), Мар-

гариты и Оли. Вязала им шапочки из своих старых вещей.

— Как она отправляла все это из Туруханска?

— Можно было. Покупала для них какое-то бельишко в убогом заполярном ларьке, старалась послать деньги... Когда наступила «оттепель», Аля из ссылки обратилась к Эренбургу — чего для себя никогда бы не сделала, — чтобы помочь Асе получить ссуду от Литфонда. А потом, после освобождения, она пошла в Музей имени Пушкина и добилась для Аси пенсии.

— Пенсии от Музея, созданного стараниями Ивана Цветаева, отца Аси и Марины. Все это в той или иной форме в книгу вошло. А вот почему Ариадна так серьезно разошлась с Анастасией — вы могли бы прояснить?

— Понимаете, особенно остро это началось, когда Ася стала настойчиво писать, что Мур был единственным виновником гибели Марины. Она уже побывала в Елабуге и ссылалась на слова хозяйки, что

— К Ариадне езджу на могилу регулярно, два раза в году.

— А у Цветаевой нет могилы и, где она захоронена, неизвестно. Но есть место, где она повесилась. И, конечно, для дочери это место страшное.

— Теперь там построили Мемо-

Анастасия Цветаева в ссылке

риал с колоннами.

— С колоннами? Трудно представить...

— При Але этого не было. Ей жутко было думать, что могила не найдена.

— Мне пришло в голову раннее стихотворение Цветаевой «Идешь, на меня похожий...». Оно о кладбище и о собственной могиле, мимо которой идет юноша. И вот — нет могилы.

— Отношения еще ухудшились в период написания Асей Воспоминаний о сестре. В 1971 году они были опубликованы. В 1972 году Ариадна пишет о них: «...главный недостаток тот, что пишет она о сестре в физическом, а не в духовном измерении; а Марина вся, всегда, с пеленок и до конца, была *поэтом*». В своих Воспоминаниях Ася все время неосознанно соревнуется с Мариной, вытравляет ее собой. Получается, что роковое, шекспировское начало заменено каким-то «шеридановским».

— Аля, иначе говоря, выступает за «чистую» Марину в Асиных Воспоминаниях. Но примесь неизбежна, мы всегда подмешиваем себя и свое, вспоминая других. Да и на-

Ариадна Эфрон

перед смертью Цветаева громко разговаривала с сыном по-французски. О чем они говорили, хозяйке, естественно, было неизвестно. Анастасия негодовала, как это Аля не поехала в Елабугу. Для Али поехать туда было нестерпимо. И я бы не могла. А вы?

— Вот вы мне говорили, что на прошлой неделе ездили на могилу к Ариадне.

писать о человеке в «духовном» измерении можно, пожалуй, только в жизни.

— Я готовила к публикации переписку Аси и Ариадны. Но мне не симпатичен тот облик Анастасии, который предстает в этих письмах. Я не в силах это опубликовать.

— **Даже так?**

— Анастасия пишет в одном из писем конца 50-х гг., что она вместе со своим учителем и другом — она имеет в виду Бориса Зубакина — «пошла по святой тропе», а Марина с нее сошла, пожелавши «Творцу отдать билет». Мы знаем, как измаялась Марина, знаем, что в предсмертной ее записке было написано «не вынесла». Разве можно ее спокойно осудить «с позиции церкви»? Для меня это оскорбительно. А для вас?

— Мне, кажется, здесь обе части высказывания звучат как-то не похристиански: я пошла по праведному пути, а сестра по неправедному...

— У нас были с Асей встречи. Она знала, что я член семьи. Она стала меня спрашивать, видится ли мне Елизавета Яковлевна во сне. Но я ее не видела во сне. Значит, душа ее успокоилась. Я попросила ее написать воспоминания о Елизавете Яковлевне. Она впоследствии написала хорошие воспоминания, где сравнивается характер и облик брата и сестры: Сергея и Елизаветы Эфронов. А потом она плохо стала говорить об Ариадне. Перед этим в разговоре она сказала, что, когда мы говорим о ком-то плохо, бесы радуются. И вот я попросила ее перестать и, когда она продолжила, прибавила: «Анастасия Ивановна, бесы радуются!» Она мне: «Я открыла вам душу, а вы...».

— Да, горячо. Пусть люди разбираются сами. У Анастасии Цветаевой осталось много друзей и поклонников. У них своя правда. Внутрисемейные отношения часто запутаны и нелинейны.

Сергей Эфрон

— Руфь Борисовна, у меня к вам вопрос, часто задаваемый читателями. Вы только что упомянули Сергея Эфрона. Как соединить слабого, болезненного «Сережу»,

которого Цветаева вела за собой, и человека, называемого Ариадной «героической личностью»? И второе. Его служба в советской разведке была бескорыстна? Ариадна пишет, что он не получал за нее «ни франка», между тем, есть и противоположные свидетельства.

тяжелых материальных условиях.

— Что касается его деятельности. Он и Аля вели запись в Интернбригады. Помощь Эфрона тем, кто хотел сражаться за демократическую Испанию, была вполне последовательна. Испания была первой ступенью в битве с фашизмом, который ненавидели и Сергей, и Марина («О слезы на глазах»). Вы еще маленькой были во время Гражданской войны в Испании...

— Меня тогда еще не было на свете, я родилась много позже... Но и эти события неоднозначны. Юлия Абрамовна Добровольская, бывшая на Испанской войне переводчицей, в своей книге пишет, что Сталин хотел сделать Испанию коммунистической. Признаюсь, мне такая интерпретация не по душе. Все же, в Испании действительно боролись с фашизмом. Интернациональные бригады, генерал Лукач, Долорес Ибаррури, испанские дети — все это существует в сознании в каком-то романтическом ореоле. Видимо, вопрос нуждается в серьезном анализе.

— Вы сможете написать, что, пока не раскрыты архивы, дело Эфрона не будет прояснено?

— Напишу. Много раз напишу, с восклицательным знаком и словом *sic* на полях! Думаю, что эти Архивы Внешней разведки для власти, своего рода, ящик Пандоры, оттого и закрыты.

— Исследователи располагают только данными парижской полиции... Швейцарские органы также не дают сведений.

— О, Швейцария... она всегда боялась за свою репутацию...

— Материалы парижских архивов я перевела и передала Ирме Кудровой, они ею опубликованы. Никаких сведений об участии Эфрона в деле убийства Игнатия Ресса нету.

— Погодите. Тогда почему Цветаеву таскали на допросы по этому делу? Почему Эфрон так срочно

Марина Цветаева, Аля, Сергей Эфрон. Чехия 1925 г.

— Нужны документы. В период Перестройки, когда министром госбезопасности был Бакатин, Борис Николаевич Никольский, тогда главный редактор журнала «Нева», бывший в то время заместителем председателя комиссии по гласности, просил, чтобы мне дали побывать в Архиве Внешней разведки. Мне отказали.

— То есть вообще все закрыто?

— Закрыто.

— Так что документированного ответа на наши вопросы мы не получим. Но знаете что: лично я Ариадне верю. Если бы Сергей Эфрон получал деньги от органов, семья бы об этом знала. А они до последних дней жили во Франции в очень

должен был покинуть Францию и приехать в СССР? Пусть платным агентом он не был, но сама Ариадна пишет, что отец был «разведчиком», то есть, как я понимаю, работал на органы госбезопасности...

— О деле Ресса пишет Судоплатов. Он был начальником бывшего 4-го Управления НКВД и писал в книге «Рассвет в Кремле. Записки нежелательного свидетеля», опубликованной в 1996 году, что ликвидация Игнатия Ресса была выполнена агентами Правдиным и Афанасьевым и слухи о том, что Сергей Эфрон участвовал в его передаче в руки НКВД, являются чистым вымыслом.

— Я рада, что участие Сергея Эфрона в этом убийстве подвергнуто сомнению. Но давайте на этом остановимся. Дело это не расследовано до конца. Архивы закрыты, а свидетели говорят по-разному...

Еще один «неоднозначный» персонаж в этой семье — Мур. Вы ведь его видели?

Георгий Эфрон (Мур)

— Я Мура знала, мы были сверстниками. Мур был очень хорош собой — бледный, с ледяными глазами, барственный. Я его обычно видела в синей курточке под замшу, на молнии. Потом в ней ходила Ариадна. Он выглядел в ней чрезвычайно элегантно. Я помню наши разговоры.

Я его спросила про «Братьев Карамазовых» — он в то время был увлечен Достоевским. Он сказал: «Это великолепный детектив». — А как быть с «Легендой о Великом Инквизиторе»? — Ну, это туфта. Может быть, другое слово употребил, но в значении «ерунда». Был у нас разговор и о Пушкине. Я была поражена, что сын поэта так убого говорит о поэзии. Марине Ивановне, ненавидевшей машинную цивилизацию, не могло не быть чуждо увлечение Мура машинами...

— Мальчишка. Так и должно быть. Другое поколение. Судя по фотографиям, я бы сказала, что Мур совсем не похож на Эфрона.

— Больше всего он похож на Марину Цветаеву, вылитый «Марин Цветаев», только покрасивей. Мне, девчонке, он представлялся монстром. В это время он занимался в Литинституте. Шел домой в Мерзляковский переулок по бульварам, там

была булочная. Но он ни разу не купил хлеба, хотя Елизавета Яковлевна и Зинаида Митрофановна в это время были лежачими больными.

— А деньги у него были?

— Конечно.

— Судя по Дневникам, был он очень экономный. Скорей всего, сэкономил на мороженое и на кино.

— Может, он сэкономил на мороженое, но он никогда ни в чем не помог никому. И по Дневникам это видно. У нас с вами разный взгляд на его Дневники.

Георгий Эфрон (Мур). Приблизительно 1940 г.

— Я менее строга к юности. У меня самой сын. Им нужно многое прощать — есть эгоизм юности. Это мальчик. В этом возрасте нельзя к ним придирается. Они вырастут — и тогда все про них выяснится. А Муру не дали вырасти, он в 19 погиб на войне. По его Дневникам видно не только то, что он был эгоистичным. Хотя даже и там он не обнажался до конца...

— Аля пишет, что его письмо поразило ее полнейшим «отсутствием мамы». Но зная Мурзила, она поняла, что горе у него глубоко и внутри...

— Вот это она правильно пишет. Юность — она вся напоказ. Не дай бог, тебя увидят девчонки с буханкой хлеба, с авоськой... Не дай бог, услышат жалобы, что мама умер-

ла... А он ею гордился! В Дневнике есть, как он возмущается соседом, не понимающим, что «Марина Ивановна» — великий поэт.

— Я говорила себе, что девчонки развиваются раньше, что они развитее.

— Это правда. К тому же, вы внутрь не залезете к мальчишке. Мало того, что он был скрытный — он был из чужого мира, да и боялся себя обнажать, правильно боялся в тогдашних условиях... Ваше девчоночье о нем представление, мне кажется, нужно скорректировать...

— Его Дневники меня потрясли. Мне показалось, что одиночество Марины было безнадежным. У него были другие ценности.

— Мне так не показалось. Я увидела, что мальчик бесконечно гордится «Мариной Ивановной» и бесконечно стыдится ее, потому что она не вписывалась в этот мир, не вписывалась ни там, ни здесь. А ему хотелось быть как все, хотелось «вписаться», хотелось соответствовать времени. И эти противоречия его разрывали. Он видел, какой она поэт.

— Но он любил и поэта Долматовского.

— Долматовского в не столь давние времена любили огромные массы советских людей.

— Но он был сыном Цветаевой. Меня потряс наш разговор о Пушкине.

— Этот ребенок родился и рос за рубежом. Ему ближе была французская литература, чем русская. И я это могу понять. У Цветаевой не было ни времени, ни возможности воспитать очень литературного человека. Но по его Дневникам — кстати, очень грамотным, написанным прекрасным русским языком, — можно увидеть, что она в него много вложила.

— Наши оценки Мура не совпадают.

— Ничего не поделаешь! Давайте перейдем к Муле.

Самуил Гуревич (Муля)

— С Мулей я не была знакома, знаю его только по письмам и еще по рассказам Надежды Вениаминовны Канель и Эммы Григорьевны Герштейн. Знаете такую?

— Естественно. Лермонтовед, подруга Ахматовой, Льва Гумилева, семьи Мандельштамов...

— Ахматова о ней писала: «Эмма, с которой мы все обдумали». А мне она (Эмма) написала: «Руфи, с которой мы съели не один пуд соли». Она говорила про Мулю: «О, это был фрукт!» Все его знавшие говорят, что был он элегантным, остроумным, интересным. Аля считала его очень умным. Муля родился в Швейцарии, потом его родители уехали в Америку и, когда произошла революция, вернулись в Россию. Он был 13-летним подростком. Черт его догадал поселиться вместе с сыном Льва Троцкого. Можете себе представить, как здесь на него давили, как заставляли каяться... Но к Але он относился... Елизавета Яковлевна рассказывала, что, когда Аля как-то рассмешила всех до упаду, Муля сказал: «Да, с такой не соскучишься!» Елизавета Яковлевна не сомневалась, что Муля любит Алю.

— В письмах Цветаевой и Дневниках Мура также нет сомнения, что здесь настоящая любовь.

— Да, и они не сомневались. И Аля не сомневалась. Перед его арестом Аля, находящаяся в ссылке в Туруханске, получила от него письмо. Он, видимо, уже понимал, что обречен. Там было написано, что она была «единственной женщиной, которую он за всю жизнь любил».

— Дорогого это стоит — последнее письмо перед смертью. Пунин такое письмо написал Ахматовой из лагеря, тоже перед смертью. Она постоянно носила его с собой в сумочке, там уже буквы стерлись... Может, и Аля носила...

— Она его сожгла. Сначала показала его Аде Шкодиной — чего никогда не делала прежде, — а потом сожгла.

— Боялась как улики?

— Эфроны удивительно душевно целомудренны. Самое заветное никому не открывают.

— Был момент, когда Муля исчез из переписки.

— Он уже был на крючке. Понятно?

— Да.

— Ему пригрозили. Но он приезжал в Рязань и приезжал к Але в лагерь.

— Погодите. Про Рязань я не

знаю. Там Аля жила во время короткой передышки между лагерем и ссылкой в 1946-47 гг. И он к ней приезжал?

— Об этом пишут Ада Шкодина и Нина Гордон. Они с Алей ходили по городу до позднего вечера.

— А в какой лагерь Муля приезжал? В штрафной? Вы называете его «лагерь Обреченных». Муля добился перевода Али оттуда в Мордовию. Так он приезжал к ней на Крайний Север?

— Точно я не знаю, куда и в какой лагерь он приезжал. Я не смогла получить документов из Лагерного управления. Мне не ответили. Я хо-

Самуил Гуревич (Муля)

тела выяснить, где находился «лагерь Обреченных».

— Лагерное Управление не ответило?

— Управление Воркута-лаг или что-то в этом роде...

— Читать письма Ариадны к Муле — сердце надрывать. Одно обращение чего стоит: «Мулька мой!» Своим приездом он ее, конечно, воскресил из мертвых. А когда он перестал писать — ясно, что не по своей воле, — и она начала понимать, что он обречен, по ее письмам к другим адресатам, по их интонации, можно почувствовать, в каком она состоянии...

— Надежда Вениаминовна Канель, бывшая школьной подругой «Шуретты»,¹ рассказывала, как Шуретта и Муля ей говорили, что хотели бы стать «международными разведчиками».

— Эпоха Зорге и прототипов Исаева-Штирлица... Вокруг «международных разведчиков» был романтический ореол. Что до Шуретты, то она дама понятная. Вышла замуж сразу после смерти Мули, не изнашив башмаков...

— Что подразумевала Эмма Герштейн под «тем фруктом» — мне непонятно.

— Могу только предположить. Муле приходилось лавировать. Как в этой ситуации может выжить простой, простодушный, искренний человек? Да никак. Муле приходилось быть всяким. Это тяжело, невыносимо. По фотографии не заподозришь, что он «тот фрукт», — очень хорошее лицо. Но в нашем разговоре прозвучало еще одно имя. Подруга по ссылке Али — Ада Шкодина.

Ада Шкодина

— Они с Алей встретились в Рязани, после того как каждая отбыла свой срок. Ада отбывала его на Колыме. Попала туда, потому что первый брак у нее был с англичанином и она некоторое время провела в Англии. Она работала преподавательницей английского языка. Я побывала в Рязани и слышала, как ее ученица рассказывала, в каком они были восторге от Ады Александровны — хороша собой, весела, элегант-

Ада Александровна Шкодина

на — почему-то запомнилось, что у нее были «краги».

— Модная вещь, должно быть, в те времена.

— А до этого она преподавала в Военно-Политической Академии им. Фрунзе и была горда тем, что среди ее учеников был Хрущев. Он английский не учил — и Ада уперлась. Он получил диплом, в котором не было отметки по английскому.

— **Редкая принципиальность. Вы ведь знали ее лично?**

— Ну конечно. Аля говорила о ней, что у нее кудрявая простенькая головка, полная воспоминаний о флиртах, замужествах — их было несколько — и о чем-то приятном. Но, надо сказать, что Ада полюбила Алю.

— **Ада была лет на десять постарше?**

— Да. И она все делала, чтобы они с Алей попали в один лагерь. Они вместе проделали этот многомесячный этап — на барже до Туруханска. Перед их приездом прошли закрытые партсобрания, на них шла речь о том, что едут страшные преступники, их не надо брать на работу и пускать к себе домой.

— **Куда же им было деваться?**

— Можно было ехать дальше на Север, в колхоз. Но Але хотелось, чтобы была связь с Москвой, были письма, а в колхозе этого не было бы. Правда, в 1965 году, когда они с Адой снова приехали туда, уже на экскурсию, и сидели на той же «горке», на которой сидели в 1949 году, Аля вспоминала, что тогда, в первый раз, «ей было все равно». В таком она была отчаянии.

— **Приговор был к бессрочной ссылке.**

— «Бедная моя жизнь!» Понимаете?

— **Понимаю.**

— Чудом было то, что они обе получили работу, Ада — ночной уборщицы, а Аля — уборщицы в школе. Им удалось и получить жилье в семье некоей Зубарихи. Там были ужасные условия — одеяло примерзало к стене. И вот Адины вещи продали в Москве и Пастернак прислал тысячу рублей — и на эти деньги они смогли купить избушку. Это было для них великим счастьем. Сени были гнилые и пришлось их перестраивать. Значит, пришлось валить в тайге 20 стволов, они вместе валили.

— **Ох.**

— Ада, с ее деловой хваткой, умела договариваться с работниками.

Потом, через много лет, они оказались в Тарусе и там тоже построили домик.

— **Когда не стало Ариадны, кому этот домик в Тарусе достался?**

— И авторские права, и имущество Аля завещала Аде. И Ада продала этот домик, а на полученные деньги поставила памятник Але. Огромную глыбу — самую большую на кладбище. Ее добыл скульптор Бондаренко. Он был народным художником и поставил много памятников Ленину, даже в Москве.

— **Так глыба осталась от ленинского памятника?**

— Подозреваю. Памятник получился неуклюжий. Но на нем написано: «Ариадна Эфрон — дочь Ма-

рины Цветаевой и Сергея Эфрона, погибших в 1941-м году». Ада говорила, что это единственный памятник всей семье.

— **Молодец Ада, надпись замечательная. Давайте на этом завершим нашу вторую часть. А про вашу поездку в Туруханск вы расскажете в следующий раз.** ♦

¹ Жена Мули, Александра Яковлевна Левенсон

Использованы фотографии из личного архива Руфи Вальбе и из Галереи Марины Цветаевой.

ИЗДАТЕЛЬСТВО ЖУРНАЛА «ЧАЙКА» Seagull Press ПРЕДСТАВЛЯЕТ:

Евгений Биневи́ч

ИСТОРИЯ ЕВРЕЙСКОГО ТЕАТРА В РОССИИ 1875-1918

Фотографии и подписи к ним — из личного архива *Александра Дранова*

Евгений Биневи́ч родился в 1935 г. в Ленинграде. Окончил театроведческий факультет петербургской Театральной академии (1967). Печатается с 1961 г. и пишет «всё, кроме стихов и доносов», как однажды сказал о себе русский классик. Автор драматической трилогии о «распятых»: Ииусе из Назарета («Возлюби своего ближнего»), Джордано Бруно («Жизнь Ноланца») и о Николае Кибальчиче. Автор повести «Письма из войны», романа «Исповедь», написанная в дневную смену» и эпистолярного романа «Заокеанские приветы», биографического романа о жизни и творчестве писателя Евгения Шварца, монографии о театральной карикатуре. Автор более 200 статей и публикаций в повременных изданиях, посвященных творческому наследию Елены Гуро, братьев Гиппиусов, Дойдывера Левина, Евгения Шварца, Евг. Вахтангова, Вс. Мейерхольда, артиста и кинорежиссера Павла Качочкикова, актрисы Елены Юнгер и др.

В книге увеличенного формата 492 стр., цветные ламинированные обложки, свыше 200 фотографий. ISBN 9780982197325. Цена книги \$30. Для подписчиков нашего журнала книга будет продаваться по цене \$25.00. Пересылка — \$4.00. Чеки и мани-ордера на имя *Seagull* высылайте по адресу: *Seagull, 516 Academy Ave., Owings Mills, MD 21117.* Заказы по кредитной карте по тел. 1-410-998-2010

Когда заходит речь о еврейском театре в России, то, как правило, имеются в виду ГОСЕТ и «Габима», что справедливо только в том смысле, что эти две труппы стали кульминацией движения.

Книга Евгения Биневи́ча существенно расширяет сферу известного о еврейском театре. Автор описывает не только Литературный театр Каминских, но и извлекает из забвения множество бродячих еврейских трупп с их «Шмендриками», большая часть которых вполне соответствует понятию «низового искусства». Чтобы написать такую книгу, нужно быть не только профессионалом, но и подвижником, сострадательно вглядывающимся в первые и часто неумелые шаги еврейского театра.

Вызывает профессиональное восхищение как из случайного, по преимуществу непрофессионального рецензентского материала, при практическом отсутствии архивных источников Евгению Биневи́чу удалось по крохам восстановить панораму той еврейской театральной жизни, которая ГОСЕТу и «Габиме» предшествовала и в известной степени их породила. Книга Биневи́ча значительно приближает нас к целостной картине судьбы еврейского театра в России.

Владислав Иванов, доктор искусствоведения. Автор монографий «Русские сезоны театра «Габима» и «ГОСЕТ»: политика и искусство. 1919-1928», редактор-составитель альманаха «Мнемозина. Документы и факты из истории отечественного театра XX века»

ЧАЙКА

45

No. 17 ▲ September 1-15, 2009